

Сведения об авторе

Романова Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, докторант кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

Домашний адрес: 603074, г. Нижний Новгород,
ул. Куйбышева, д. 35, кв. 77,
дом. тел. 8 (831-2) 41-71-36

Служебный адрес: 603155, г. Нижний Новгород,
Ул. Минина, 31-а
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
филологический факультет
тел. (831-2) 36-18-92
E-mail: philfac@lunn.sci-nnov.ru
Факс научной части (8-831-2) 36-20-49

Интерпретация концептуальной структуры публицистического текста

(О. Павлов «Бывшие люди»)

© 2004 г. Т.В. Романова

В статье рассматривается концептуальная структура публицистического текста. Целью анализа является интерпретация интертекстового содержания заголовочного концепта. Средством выявления концептуальной структуры служит семно-семемный анализ ЛСП с доминантой «бывшие люди» и анализ мотивационно-прагматических установок автора (речевых тактик и стратегий), определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста.

The article considers the concept structure of the publicistic text. The aim of the analysis is interpretation of the intertext content of the title concept. The concept structure is elicited by means of the semic-sememic analysis of the lexico-semantic field with the dominant of ci-devants (have-beens) and the analysis of the motivation-pragmatic purpose of the author (communicative strategies and tactics), determining the dynamics of the formation of the text concept structure.

Иерархически организованная система концептов личности, или концептосфера, находит языковую объективизацию в создаваемых ею текстах, в их концептуальной структуре. Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематические позиции, позиция повтора и т.д.). Нередко сильные позиции являются одновременно автосемантическими, и так же, как автосемантические отрезки, они тяготеют к началу и концу текста. Начало текста и заголовок – точка отсчета понятийного цикла, ключ к концептуальной структуре произведения.

Вербальным эквивалентом концепта как «кванта знания» является совокупность лексических средств. Анализ концептов текста предполагает выявление лексико-семантических полей и тематических групп, их образующих, а также доминирующих сем. В результате анализа ЛСП и тематических групп текста можно частично выявить тезаурус автора и персонажей,

показать их соотношение, дифференцировать ключевые слова (семантические доминанты) и концепты.

Под концептуальным анализом можно понимать исследование выраженного в словах мыслительного («когнитивного») содержания, ценностных (модальных) коннотаций и мотивационно-прагматических установок. Такое понимание «концептуального» противопоставляет в общем плане внеязыковые аспекты языковых значений собственно языковым. Ср. разграничение семантического и концептуального анализа в работе Е.С. Кубряковой: семантический анализ эксплицирует семантическую структуру слова, уточняет денотативное, сигнификативное и коннотативное значения; концептуальный анализ предполагает поиск общих концептов (т.е. фрагментов знания о мире), подведенных под один знак [1, с. 85].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт имеет ярусное строение [2, с. 8]. На «нижних этажах» располагается то содержание концепта, которое «читается словами» (обозначено языковыми средствами; концепт, «схваченный знаком» – Е.С. Кубрякова 1991), на «верхних» - то, что нельзя прочесть словами, что имеет отношение к ментальным пространствам. «Первый этаж» концепта – интертекст (как считает Ю.С. Степанов, то, что считается в прямом смысле знака).

Начальный импульс для интерпретации внутреннего лексикона и внутренней грамматики текста задается заголовком, выполняющим функцию экспонента концепта. В выбранном нами для анализа тексте способом выражения концепта становится заголовок-понятие (*бывшие люди*) [3]. Заголовок «*Бывшие люди*», являя собой совокупность нежестко структурированных признаков, одновременно с понятиями, представлениями и знаниями репрезентирует оценку и эмоции. Заголовок — это глобальная семантическая структура, которую Т. ван Дейк назвал «макроструктурой». В терминах логического анализа алгоритм выведения смысла заголовка сводится к следующему: 1) из свода макроправил исключаются пропозиции, нерелевант-

ные для интерпретации других пропозиций (стирание); 2) серии отдельных пропозиций превращаются в более общую (генерализация); 3) пропозиции выстраиваются из большого числа пропозиций в тексте; 4) в интерпретацию вовлекаются задействованные в тексте и существующие вне текста знания о мире [4].

Проникновение в смысл заголовка происходит постепенно, поступенчато, каждый раз добавляя «приращение» к уже имеющемуся. Интерпретатор не может точно ответить на вопрос, как возникает концепт-заголовок, он может лишь указать на процесс образования смыслов в самом общем виде [1].

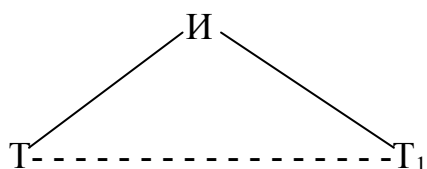
Заголовок *«Бывшие люди»* отражает эмоциональное состояние, ощущение (сожаление), отношение (сочувствие), отрицательные коннотации, возникающие ассоциации (произведения Горького, Достоевского, Гиляровского). Как читается прямой смысл знака? **БЫВШИЙ.** *«Утративший прежнее положение, назначение, звание и т.п.»* [5, с. 106].

Кроме того, возникает аллюзия с «чужим» текстом. **БЫВШИЕ ЛЮДИ.** *«Публ. О людях (дворянах, аристократах, капиталистах и богатых чиновниках), лишенных своего привилегированного положения»* [6, с. 356].

Первоначально выражение характеризовало босяков, люмпен-пролетариат. Оно стало крылатым благодаря рассказу М. Горького «Бывшие люди» (1897), где описывается жизнь обитателей ночлежки [там же]. Следовательно, перед нами интертекст. В лингвистике и литературоведении принято говорить об отношениях интертекстуальности лишь в тех случаях, когда отношение к другому тексту, к «пратексту», «предтексту», «претексту» [7], может быть рассмотрено как отвечающий сознательной установке автора семантический факт в смысловой структуре содержащего аллюзию текста.

В нашем анализе при трактовке интертекстуальности мы придерживались психолингвистической точки зрения [8]. С этой точки зрения, интертекст (межтекст) — родовое понятие, определяющее, что смысл текста фор-

мируется полностью или частично посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе. М. Риффатерр предложил называть иной текст «интерпретантой». Он предлагает графически изобразить интертекстуальные отношения в виде преобразованного семиотического треугольника Г. Фреге:

Здесь «Т» - текст, «Т₁» - интертекст, а «И» - интерпретанта. Интертекстуальность не функционирует и, следовательно, текст не получает текстуальности, если чтение от Т к Т₁ не проходит через «И», если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты. Интерпретанта важна по нескольким причинам. Во-первых, она позволяет преодолеть представление о связи текста и интертекста как связи между источником и последующим текстом, она снимает представление о процессах «заимствования», «влияния». Она позволяет убедительно представить работу по производству смыслов как процесс сдвигов и трансформаций внутри текста. Интерпретанта, третий текст интертекстуального треугольника, ответственна за появление того, что названо «смысловыми гибридами» [9, с. 172]. Интертекст конституирует смысл как работу по его отысканию, и в этом его фундаментальное значение в смыслопорождающем механизме [8].

При анализе интертекста важны прежде всего два вопроса: какие сигналы указывают на авторскую аллюзию? Каким образом используются в позднейшем тексте воспроизводимые им черты предтекста (текста-интерпретанта).

Покажем в сжатом виде, как структурируется смысл концепта-заголовка в рассказе М. Горького [10].

Бывшие люди — верхний слой в иерархии обитателей ночлежного дома. Родовая сема ЛСП: *босяк; утративший прежнее положение, назначение, звание*. Указана гиперсема для тематической группы: *ротмистр; хозяин ночлежки; учитель; лесничий; тюремный смотритель* (видовые семы для положения, звания). Родовой признак *утративший прежнее положение* реализован через валентность языковых единиц: *в прошлом имел в городе бюро для рекомендации прислуги, имел типографию; опустившись до ночлежки, уже более не мог подняться; бывший лесничий, а ныне торговец спичками, чернилами, ваксой*. Как средство презентации данного родового признака используются также пропозициональные структуры; структурные схемы, построенные на антитезе; актуализированные оценочные (*умеючи жил*) и грамматические семы (предикаты в прошед. вр.: *В лице его погиб, может, крупный поэт*); повтор определения *бывший*. Оценочные семы: *образованность, интеллект (философ, человек с образованием, с развитой превратностями судьбы привычкой мыслить; думал, читал книги); безнадежность, бесперспективность (опустившись до ночлежки, уже более не мог подняться); человечность, доброта, сочувствие, жалость (не все свои деньги пропивал, по крайней мере половину их тратил на детей Въезжей улицы); талант (воображение этого человека было неиссякаемо и могуче и т.д.)*.

В формировании модально-оценочного концепта «*бывшие люди*» участвуют противопоставления. 1. «*Бывшие люди*» - «*Господа жизни*». Дифференциальные антонимичные семы *богатый — бедный, сытый — голодный: народ к роскоши непривычный, привык каждый день жрать, отучишься от этой дурной привычки, не барин, существующий сыто и нарядно; в сытости и костюме я отстал от них*. Модально-оценочные семы, субъект оценки — *господа жизни*, объект оценки — *бывшие люди: отвержен, презирающий, трепет хладный (= страх)*; субъект и объект оценки меняются местами: *наплевать, презрение*. 2. «*Бывшие люди*» - «*рядовые босяки*», «*бывшие мужики*» [*и люди из города*].

Кроме них, в ночлежке постоянно обитало человек пять-шесть рядовых босяков. Они не могли похвастаться таким прошлым, как «бывшие люди», и хотя не менее их испытали превратностей судьбы, но являлись более цельными людьми, не так страшно изломанными. Почти все они – «бывшие мужики». Быть может, порядочный человек культурного класса и выше такого же человека из мужиков, но всегда порядочный человек из города неизмеримо гаже и грязнее порядочного человека из деревни...

— Эх ты!.. — презрительно оглядел его Кувалда. — Что ты понимаешь? Что ты знаешь? Умеешь ли ты думать? А я думал... И читал книги, в который ты не понял бы ни слова.

— Еще бы! Где мне щипать лаптем хлебать... Но хотя ты читал и думал, а я не делал ни того, ни другого, однако недалеко же мы друг от друга ушли <...> [10, с. 188].

Интегральные (общие) семы: *испытаны превратности судьбы*. Дифференцирующие семы: *весомость прежнего положения (не могли похвастаться таким прошлым); цельность души, степень изломанности (являлись более цельными людьми, не так страшно изломанными), степень интеллектуальности (см. контекст выше)*. Модально-оценочные семы, субъект оценки *бывшие люди*, объект — *рядовые босяки: презрение*; субъект и объект оценки меняются: *насмешка (Еще бы! Где мне щипать лаптем хлебать)*. Тактика возражения. **Лаптем щипать хлебать**. «Прост. Жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным» [11, с. 501-502]. Компонент *Где мне* отрицает смысл ФЕ = *не хлебаю*); ирония (*недалеко же мы друг от друга ушли*); тактика: *поставить на место*); субъект оценки — автор: *быть может, порядочный человек культурного класса и выше такого же человека из мужиков* (модальность предпочтения нейтрализована модальной семантикой предположения, невысокой степени уверенности).

Внутри компонента *рядовые босяки* тоже есть подразделение: *человек из города — человек из деревни*. Соотношение между этими компонентами обозначено авторской модальностью сравнения (предпочтение в оценке): *порядочный человек из города неизмеримо гаже и грязнее порядочного человека из деревни...*

В указанных противопоставлениях и иерархии сем концептуально значимым оказывается смысл лексемы *человек*. См. противопоставление *бывшие люди*, но *рядовой босяк, бывшие мужики (человеком будешь)*.

Наиболее значимыми в концептуальной структуре текста являются авторские оценки, авторское отношение к объекту оценки: *выпившие или страдавшие с похмелья, разнообразно растрепанные, но одинаково жалкие и грязные; У этих людей была одна смешная черта: они любили показать себя друг другу хуже, чем были на самом деле* [10, с. 214]. Авторская точка зрения (отношение, оценка изображаемого) часто совпадает с оценкой персонажами своей жизни:

Мне надоело это... Подлая жизнь... [10, с. 215].

Наиболее значимые авторские оценки занимают сильные позиции текста: позицию повтора (*Это общество бывших людей имело одно великое достоинство: в нем никто не насиловал себя, стараясь казаться лучше, чем он есть, и не побуждая других к такому насилию над собой.* — См. выше тот же смысл, но с разным оценочным знаком, *смешная черта — великое достоинство.* Основание смены оценки, на наш взгляд: *... не побуждал других к такому насилию над собой* (культ свободного человека); финальная позиция конца части (*никому не нужных людей*), абсолютного конца текста (*В серых, строгих тучах, сплошь покрывших небо, было что-то напряженное и неумолимое, точно они, собираясь разразиться ливнем, твердо решили смыть всю грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли* [10, с.240].). Итак, понятие *бывшие люди* в тексте-интерпретанте кореферентно понятию *босяки*. Контенционал знака: 1) интенционал: а) гиперсема *утративший* (синтагматическая сочетаемость *звание, положение богатство*); б) гипосемы: *бедный, голодный, испытали превратности судьбы, весомость прежнего положения*; 2) импликационал, жесткий: *обида, жалкие, грязные*; высоковероятностный: *пьянство, воровство, изломанность*; любили *показать себя друг другу хуже, чем были на самом деле*; слабый: *достоинство, цельность души, порядочный человек, умный*; отрицательный: *богатство, сытость*. Экстенционал: *люмпен-пролетариат, обитатели ночлежки, бывшие собственники (типографии, бюро для рекомендации прислуги) и слу-*

жащие (учитель, лесничий, тюремный смотритель), таланты и интеллектуалы (философ, поэт), люди из города, люди из деревни. Прагматическое значение: оценочные семы (человек: образованность, интеллект; грязные, грязь; подлая (жизнь); измученный, печальный) семы, выражающие отношение (доброта, жалость, сочувствие, ирония, отвержен, насмешка, никому не нужные люди); эмоциональные семы (наплевать: безнадежность, бесперспективность; презрение; трепет (страх)).

Для выявления концептуальной структуры текста необходимо соотнести его с цитируемым (О. Павлов – М. Горький).

Закономерно возникает вопрос: кто является автором интертекста? С нашей точки зрения, у интертекста, как минимум, три автора. Первый — автор читаемого текста (интертекста); второй — автор текста-интерпретанты; третий — читатель, интерпретатор интертекста. При этом укажем, что основой понимания текста реципиентом является совпадение концептуальных систем автора и воспринимающего. Очевидно, что чем больше степень совпадения концептуальных систем, тем адекватнее воспринимается авторское содержание текста. При отсутствии какой-либо общности между концептуальными системами интерпретация текста реципиентом тоже производится, однако коммуникация не осуществляется. Полного совпадения концептуальных систем в силу их уникальности принципиально не может быть, а следовательно, невозможно и понимание текста, *тождественное* авторскому содержанию [12, с. 5].

Рассмотрим, как структурируется концепт *бывшие люди* у О. Павлова и как используется для этого текст-интерпретанта.

Контенсионал содержания: *бомжи*. Интенсионал: гиперсема *бездомность (нет жилья, пропуски с паспортом)*; гипосемы *человек без места; вор; нищий; попрошайка; голодный, страх (живут воровством, попрошайничая; на помойках поедая отбросы, падаль; гонимый голодом, холодом, угрозой побоев; обнищав)* [3, с. 140]. Импликационал жесткий: *выживаешь,*

как можешь, спившись; страдание; мучение; высоковероятностный: лишенность (лишились родины: будто лишились самой жизни, самих своих судеб, были люди работающие); нет опоры; бесправие ((не) хозяин себе и своей судьбы); слабый — закрепощение; отрицательный: наличие жилья, личной судьбы (дом, семья, родина). Экстенционал: **Россия** — страна бездомная, **народ** наш в сути своей бездомный [3, с. 140]: бомжи; тюрьмы, уголовные и лечебно-трудовые; психушки; северные края; дальневосточные порты; шабашка; прииски; путина; шахты; бродяги в бараках; переселенцы; эмигранты; раскулаченные; войны; репрессии, целина; бесперспективные малые деревни; одинокие, забытые старики.

У О. Павлова экстенционал содержания, выраженного ФЕ, очень широкий, доходит до обобщения на уровне истории страны; у М. Горького — аристократы ночлежки, люди, потерявшие положение, собственность. Смысл такого экстенционального расширения — констатация степени падения человека и степени неуважения к человеку государства (авторская позиция: это делает с людьми г о с у д а р с т в о). У Горького данное обвинение столь явно не звучит. Что касается интенционала, то гиперсема в концептуальном ядре текста О. Павлова конкретнее, гипосемы «разработаны» более детально; импликационал более оценочен (укор в адрес «здоровой и сильной» части народа), более подчеркнута бесправие и безнадежность существования «бывших людей». Поэтому и оформляется противопоставление *бывшие люди* — *милицейское государство* (оценочная сема). У Горького та же тактика, но противопоставление не столь антагонистично. См.:

*Я видел паспорт: стоит штампик загса, что человек в девяносто третьем женился, значит, состоятельным был, мог хоть свадьбу сыграть. Но вот зима девяносто шестого: этот человек уже бомж, то есть труп. И что такое бомжи — это милицейское клеймо, есть еще зеки, то есть заключенные, а были и «казры», «чесеоры» - контрреволюционеры, члены семей репрессированных... **Только бы** людьми не называть или согражданами, тогда ведь с него, с государства нашего **милиционерского**, да и общества другой будет спрос. **Горько**, что это слово прижилось, что и в народе иначе не говорят. Но ведь в здоровой, сильной половине народа и стараются, как могут, **совесть усыпить**, даже и **ненависть разжечь** [3, с. 141].*

Лица, вызвавшие эмоции, - бомжи; объект оценки — отношение к ним *милиционерского* (оценочная сема, окказиональное образование) государства, общества: *бомж, то есть труп*. В приведенном фрагменте есть благоприятные условия для формирования эмотивной оценки: каузатор эмоционального состояния является, в свою очередь, и объектом — адресатом эмоционального отношения (*общество, сограждане*). Авторская интенция передается через РА укора: *Только бы людьми не называть или согражданами...* Ограничительная частица *только* может выражать семантику опасения, ограничения. Здесь выполняет функцию выражения эмоциональной семантики, участвует в языковом оформлении РА укора. Далее реализуется стратегия «пробуждения совести»: *тогда ведь с него, с государства нашего милиционерского, да и с общества другой будет спрос; словцо прижилось, ... в народе иначе не говорят*. Тактикой, реализующей стратегию «пробуждения совести», являются приемы включения адресата (читателя) в объем понятия «*милиционерское государство*» через родовидовые отношения: государство — общество — сограждане — и «вскрытие» истинной цели этого государства: *Но ведь в здоровой, сильной половине народа и стараются, как могут, совесть усыпить, даже и ненависть разжечь*. Доминанта авторского эмоционального отношения: «Горько».

Далее реализуется тактика дискуссионного опровержения; отрицания официальной точки зрения.

*Слыхали, что у нищих кучи денег, что они из обносков переодеваются в шубы и жируют на вашу милостыню? Слыхали, что бомжи — это тунеядцы, пьянчуги, которые продали свои квартиры? Так им и надо, это наказание за порок! Слыхали, они вшами нам угрожают, сифилисом, туберкулезом? Что они наши вокзалы изгадили?.. Однако **попробуй** переодеться в обноски, постой хоть час на морозе, может, разбогатеешь, но тогда и поймешь, что это за труд — унижаться и обмороживаться. Да и кто побирается на твоих глазах, разве розовощекие, сытые на рожу? Ведь старухи да инвалиды, ничего не понимающие дети. И таких безвинных теперь больше — беженцев, душевнобольных, заброшенных, детей, вышедших из тюрем баб да мужиков, но опустившихся именно без работы, не нужных людей. У них тот туберкулез, который никто не лечит, и потому, что не лечат. Они спят на вокзалах, потому что больше им негде спать. Они напиваются допьяна, чтобы довести себя до бесчувствия, - **попробуйте** ходить раздетыми по морозу и так, как они, существовать. Как же они порочны, если голодают и замерзают, если умирают? Страдание, мучение — это ли по рок? [3, с. 142].*

Другое противопоставление, имеющее в тексте концептуальное значение, это

советское время	нынешнее время
<i>худобедно содержались государством</i>	<i>давным-давно стало все не так жить стало втройне трудней и сложней; Требуется уже надрыв сил, чтобы просто остаться человеком, облик сохранить чело- веческий;</i>
<i>статья о бродяжничестве все они были люди работающие</i>	<i>отменили тунеядцы, пьянчуги</i>

Прагматический смысл понятия «бывшие люди» складывается в тексте из следующих сем:

- оценочные семы: *как зверье*; синонимический ряд (*заживо гниющие- не люди, живые трупы; бомж, то есть труп; зеки, каэры, чесеоры*); *будто вытащенные из воды рыбины; крепчайшие люди; нет сил; (не) сильный; (не) способный справиться с трудностью и сложностью; не хозяин себе и своей судьбы*;
- эмоциональные семы: *горько; безнадежность (выживаешь, как можешь, до самой смерти)*;
- семы-отношение: *равнодушие (Если нет у тебя жилья да паспорта, то хоть умирай!)*; *сочувствие (Нет у них сил, у этих крепчайших людей - оксюморон, употребление обобщенно-личных конструкций (с восстанавливаемым местоимением ты) показывает, что автор не дистанцируется от объекта оценки)*; *ненужные (Воздух городов чист)*; *обвинение — укор (совесть усыпить, ненависть разжечь)*;
- ассоциативная сема: *конец века (= света)*.

Авторская позиция О. Павлова отличается от позиции М. Горького большей определенностью и категоричностью (это связано и со спецификой публицистического стиля: авторская позиция в публицистическом тексте в целом менее завуалирована, более явлена, эксплицитна, открыта, т.к. текст моносубъектен, свободен от субъектной (персонажной) полифонии художественного текста, я автора ближе к языковой личности). В авторских концеп-

тах совпадает сема *ненужности* (Горький: *Никому не нужны люди* [10, с. 179]). Но у Горького это не обвинение (нет адресата и объекта обвинения), а констатация. Павлов же обвиняет государство и граждан в равнодушии к своим «бывшим» гражданам (*Только бы людьми не называть...*), и шире – человечество в равнодушии друг к другу (*Нет правды, Конец века (= света)*). О. Павлов, хотя и сочувствует, но употребляет в номинации нелитературную грамматическую форму (*бывшие человеки* — скорее, взгляд «здоровой» части общества, а не автора), которой выражена ирония над гимном человеку (аллюзия на другой горьковский текст: *Человек! Это звучит гордо*). У Горького меньше сочувствия (см. финальную фразу: *...смыть всю грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли*), но вместе с тем и гимн человеку (см. *бывшие люди, но рядовой босяк, бывшие мужики; человеком будешь; достоинство; цельность души; интеллект; люди разные бывают..., есть хуже..., еще хуже есть...*).

Сигналы авторской аллюзии находятся в сильных позициях текста. Это, во-первых, заголовок, во-вторых, инициальное предложение и описательно-распространительный правый контекст к нему (первый абзац).

Людей этих называют бомжами. Живут они воровством, попрошайничая, а то и как зверье — на помойках, поедая отбросы, падаль... Все дело в том, что у этих людей нет жилья. А раз нет жилья, то нет и прописки с паспортом. Если нет у тебя жилья да паспорта, то хоть умирай. Но сразу-то не помрешь. И, гонимый голодом, холодом, беспросветной угрозой побоев от милиции да и от всякого загулявшего молодца, ты и выживаешь, как можешь, до самой смерти [3, с. 138].

В-третьих, финальная позиция. Ср. авторскую позицию в финале текста:

*Страдание, мучение — это ли по роки
Когда недавней зимой бездомных по приказу
градоначальства, дабы очистить эти
самые вокзалы от скверны и угодить москвичам,
погнали за сто первый километр, то сколько
вымерло их в пустынных Калуге, Александрове,
Твери, никто не считал.
Никто и не считал* [3, с. 142].

- *Разные бывают... как бог захочет... Есть хуже меня... еще хуже есть... да!
В серых, строгих тучах, сплошь покрывших небо,
было что-то напряженное и неумолимое,
точно они, собираясь разразиться ливнем,
твердо решили смыть всю грязь с этой
несчастной, измученной, печальной земли* [10, с. 241].

Кроме того, это позиции повтора (П) и синонимической замены. П.: *нищие да бездомные; бесправие; голодают*. Синонимические ряды: *бесправие — усечение в правах; заживо гниющие — не люди — живые трупы — бомж, то есть труп — зеки, каэры, чесеоры*.

В тексте О. Павлова воспроизводятся черты предтекста: частичное совпадение авторской интенции и авторского отношения («с *добродушной иронией* называл их «*бывшими людьми*» - (М. Горький)); в ядерной части совпадает конвенционал знака «*бывшие люди*» (*босяки / бомжи*); прагматика знака имеет общее в оценочной части, в модальной (отношение) — нет.

Интертекстуальное содержание концепта служит как бы эталоном сравнения и категоризации вновь познаваемых предметов и явлений, которые в результате этого сравнения идентифицируются как представители данного класса или категории или как элементы другой категории (общие семы: *утративший, бедный, голодный, испытавший превратности судьбы, жалкий, грязный, пьянство, воровство, отсутствие собственности, ненужность*), а за счет развития новых сем (см. выше) рождается новое содержание концепта.

В этом смысле текст приближается к дискурсу, как его понимают Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров: «Дискурсом мы называем текст, образовавшийся в процессе его саморазвития и самопорождения, когда смысл «на выходе» становится адекватным замыслу отправителя текста. Приближение к пониманию этих дополнительных смыслов комплектует будущий дискурс» [13, с. 299].

Итак, ключом к интерпретации концептуальной структуры текста является его название, выполняющее функцию заглавного концепта. Концепт имеет ярусное строение, проникновение в его смысл происходит поэтапно. Начальный этап — интерпретация интертекстового содержания концепта. Данная интерпретация осуществляется путем: 1) семно-семемного анализа (выявляется родовая сема, видовые, система коннотаций), 2) определения

интенционала, импликационала, экстенционала, прагматического значения понятия (*бывшие люди*) в тексте-интерпретанте, данном тексте и интертексте (структурируемом в сознании читателя-интерпретатора), 3) выявления актуальных позиций для концептуальных знаков, 4) выявления авторских речевых тактик и стратегий, определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста, 5) сравнения языкового содержания заглавного концепта и авторских мотивационно-прагматических установок в тексте-интерпретанте и анализируемом (данном материально) тексте. Дальнейшая интерпретация содержания концепта (его «верхних» слоев) предполагает привлечение междисциплинарной, общекультурной информации и не собственно языковых методик анализа ментальных пространств. Анализ концептуальной структуры текста в целом требует выявления иерархической организации концептов, составляющих концептуальную структуру, и взаимосвязи и взаимообусловленности ее элементов.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. С. 82-140.
2. Степанов Ю.С. Концепт культуры «в разрезе» // Когнитивная семантика: Материалы Второй Межд. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г.: В 2 ч. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др. Тамбов, 2000. Ч.1. С. 8.
3. Павлов О. Из нелитературной коллекции (Дневник писателя): «Казенный дом»; «Бывшие люди» // Октябрь. 1997. №6. С. 136-143.
4. Расторгуева Г.В. Художественный текст как объект когнитологии // Когнитивная семантика: Материалы Второй Межд. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г.: В 2 ч. / Отв. Ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др. Тамбов, 2001. Ч.1. С. 184-186.

5. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
6. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
7. Шмидт В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» (перев. с нем.). СПб., 1996.
8. Леонтьев А.А. Интертекстуальные трансформации в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции, МГОПУ / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 1998. Т.2. С. 302-305.
9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975.
10. Горький М. Бывшие люди // М. Горький. Собрание сочинений: В 30-ти томах. М., 1950. Т.3.
11. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
12. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991.
13. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева: Сб. научн. трудов ИРЯ РАН. М., 1996.